

А. Е. Чернова

Доцент кафедры филологии Перервинской
духовной семинарии, кандидат филологических наук,
член Международного научно-творческого объединения
«Родимая земля» имени Н.М. Рубцова

Исторические видения в лирике Николая Рубцова

В статье анализируются художественные особенности исторических видений в лирике Н.М. Рубцова. На конкретном материале стихотворений выявляются постоянные признаки святой Руси: вневременность и свет.

Ключевые слова: Русская поэзия, фольклор, художественный образ, этнопоэтические константы, пространство, время.

Николай Рубцов – один из самых таинственных поэтов середины XX века. Гул древности, вибрация исторических событий, которые не исчезают бесследно, но продолжают, уже невидимо, вновь и вновь совершаться, рождают в сознании его лирического героя таинственные и страшные видения. Стихотворения «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны», «Видения на холме», «Шумит Катунь», «О московском Кремле», «Сосен шум», «В старом парке» наполнены именно таким ощущением пространства и времени, когда настоящее, предметные реалии современной действительности, становятся прозрачными и сквозь них просвечивается жизнь прошлых поколений.

Мир, живущих сегодня, и мир предшествующих поколений оказываются взаимопроницаемыми, иногда даже невозможно сразу определить: кто именно изображается в том или ином стихотворении. Молчаливая матушка ночью приносит в горницу ведро воды, по холмам бесшумно скачут, опять же в ночное время, таинственные всадники, а в городской мгле тревожно и тихо проходят неизвестные люди.

Печальная Вологда дремлет
На темной печальной земле,
И люди окраины древней
Тревожно проходят во мгле [6, 194].

Кто они? Обычные жители, которые всего лишь задержались на работе, а теперь

торопливо возвращаются по темным улицам домой – или же тени, бесплотные души давно живших людей, тревожной чередой возникающие из тумана? Ответить на этот вопрос можно, лишь учитывая бытийные особенности всей лирики Н.Рубцова в целом, особенности его авторского мировосприятия и художественного мышления.

В стихотворениях «Видения на холме», «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны», «О Московском кремле» и «Шумит Катунь» печальный гул, разлитый в ночном воздухе, кристаллизуется в конкретные, исторические видения. Взбежав на холм, лирический герой прозревает картины грозного раздора («Видения на холме»), оседлав коня, скачет по холмам и одновременно по «следам миновавших времен» («Я буду скакать...»), сидит на камне перед рекой и в шуме быстрых вод улавливает таинственные мифы («Шумит Катунь»). Поля, холмы и речные воды скрывают в своих недрах события давно прошедших времен, ту самую «глубину веков», из которой возникают видения. Видения прорастают сквозь предметные явления настоящего дня, а потом вновь пропадают. Характерно, что хрупкость современной действительности, взрываемой красочными видениями прошлого, остается все же неизменной в своих природных реалиях: по-прежнему смиренно пасутся на лугу стреноженные кони, по-прежнему бежит река, молчат цветы и безмолвствуют могилы, и

тайные сны больших деревень не нарушаются даже малейшим шорохом. Соотношение двух пространственных измерений – видимое и того, что скрывается за ним – связано с особенностями репрезентации времени в поэтической системе стихотворений Н.Рубцова на историческую тему.

Граница между прошлым и настоящим прослеживается в тексте довольно четко: если прошлое – это исторические видения, то настоящим, соответственно, является вся окружающая лирического героя действительность на данный момент времени: река, кони, ночные поля; при этом бытийную направленность прошлого и настоящего определить не так просто. Здесь возникает вопрос о принципах соответствия временных категорий исчезающего и вечного – настоящему и давно прошедшему. Ведь настоящее время не всегда может иметь свойства краткого мгновения, и, тем более, прошлое – значение вечного. Так мы от внешнего, поверхностного различия прошлого и настоящего как совокупности событий, которые случились давно или происходят в данный момент, переходим к духовно содержательным и глубинным художественно-изобразительным пластам, которые проявляются в сопряженности времен сакрального и профанного.

Стихотворение «Видения на холме» не случайно имеет несколько вариантов, существенно различающихся друг от друга. Обратимся к тексту, ведь сравнение вариантов раскрывает особенности творческой лаборатории поэта. Изменились не только название («Видение в долине» на «Видения на холме»), структура (строфический рисунок постоянно колеблется между ступенчатым и ровным), но и сами образы.

С одной стороны, поэтическая мысль Н.Рубцова идет от исторической конкретики к более обобщенным «вневременным» образам, а с другой – от изобразительной красоты к подлинности и простоте. Например, если в первом варианте стихотворения автор, описывая звездный свет, два раза употребляет эпитет «сапфирный», то к последнему варианту от этого «блестящего» эпитета отказывается и подбирает другие слова, которые обозначают не яркость сияния, но внутреннее состояние: пустынность и незыблемый покой.

1. Сапфирный свет
на звездных берегах
2. Пустынный свет на звездных берегах...

Мерцание звезд из сапфирного преобразуется в покойный, а затем, в последнем варианте стихотворения, в безбрежное. От внешних характеристик Н.Рубцов переходит к внутренним, передающим величину и неохватность явления:

1. И надо мной –
бессмертных звезд Руси,
безмолвных звезд
сапфирное дрожанье...[6, 24]
2. И надо мной –
бессмертных звезд Руси,
Высоких звезд покойное мерцанье...[6, 72]
3. И надо мной –
бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье...[6, 105].

Заключительные строки стихотворения содержат в себе широкое обобщение, разрешающее драматическое сопряжение времен, и поэтому изобразительная точность слова здесь особенно важна. Главный признак звезд – бессмертие – сохраняется во всех трех вариантах, колеблются лишь дополнительные световые характеристики.

Вечен свет на звездных берегах, также как непреходящ и ход быстрых речных вод в стихотворении «Шумит Катунь». Сражения, кровавые битвы – всё исчезло, скрылось в «темном зеве столетий», сам Чингисхан обратился в тень, а сибирская река бежит по-прежнему, и все так же, никак не меняясь, молчат над могилами цветы:
В горах погаснет солнечный июнь,
Заснут во мгле печальные айлы,
Молчат цветы, безмолвствуют могилы,
И только слышно, как шумит Катунь...[6, 172]

Мелодия реки – былинный напев – образует в стихотворении особый художественный мир, существующий по законам древнерусской поэтики. На всем лежит печать старины: небо хранит знаки *древней клинописи птиц*, река поет *таинственные мифы*, а вокруг раскинулся *сказочно-огнистый простор*. Вне конкретного време-

ни, в сказочном пространстве, бежит Катунь, пронизывая быстрым течением разные эпохи. Она не столько разделяет прошлое и настоящее, сколько соединяет в своем таинственном напеве разные грани бытия.

Известно, что древнему сознанию было свойственно представление о пограничной реке, разделяющей миры живых и усопших. Так, в древнегреческих мифах старый Харон перевозит через реку Стикс души умерших, в скандинавском эпосе мертвецы, бредущие в Хель, преисподнюю, должны вброд пересечь шумную реку Гьелль, а в русской мифологии человеческой душе по пути на «тот свет» предстоит преодолеть огненную речку Смородину.

В древнерусской словесности река отделяет не только царство живых от мира усопших, но еще и сферу тьмы от сферы света. Например, в «Слове о полку Игореве» река Донец имеет два значения. «В конкретном значении – препятствие на пути Игоря, а в абстрактном – граница между светом и тьмою» [2, 68].

Вневременная действительность в древнерусском произведении создается благодаря особому изобразительному ракурсу, который Д.С. Лихачев обозначил как абстрагирование. «Абстрагирование – вызывалось попытками увидеть во всем «временном» и «тленном», в явлениях природы, человеческой жизни, в исторических событиях символы и знаки вечного, вневременного, «духовного», божественного» [4, 102]. Абстрагируясь, конкретные события преобразуются в универсальные «матрицы мышления», в основе которых лежит «дуализм добра и зла, света и тьмы» [2, 68].

По наблюдению И.Клейна, обстоятельства бегства Игоря приобретают символический смысл: Игорь бежит из тьмы половецкого лагеря (полночь!) в свет Русской земли (там светит солнце). «Прыснуло море в полночи, идут смерчи тучами. Игорю-князю Бог путь указывает из земли Половецкой на землю Русскую, к отчему золотому престолу. Погасли вечером зори...»<...> «Солнце светит на небе – Игорь-князь в Русской земле» [5, 72].

Древнерусский читатель должен был соотносить половецкий лагерь с адом, а Русскую землю с раем, ведь для средневекового человека тьма – это сфера дьявола, ад. По-

добным образом дуализм света и тьмы проявляется и в стихотворении Н. Рубцова «Шумит Катунь». Мрачная тень Чингисхана затмевает солнце, тогда как стоянки русских деревень названы светлыми:

И Чингисхана сумрачная тень
Над целым миром солнце затмевала,
И черный дым летел за перевалы
К стоянкам светлых русских де-
ревень... [6, 172]

Значению святой Руси как светлого места соответствует синонимия слов «светлый» и «святой», которую отметил А.В. Соловьев в былинах и духовных стихах. В лирике Н.Рубцова образ Руси также исполнен света. Про особое значение света в художественном мире Рубцова писал В.Кожин, именно свет, по мнению литературоведа, выступает «как воплощение наиболее глубокой сути рубцовой поэзии, притом как одно из основных, если не самое основное воплощение этой сути. <...> Важно не то, что в рубцовских стихах много света, но то, что свет выступает как живая, проникнутая смыслом, поэтическая реальность» [3, 361].

Мысль о соотношении света и поэтической реальности нуждается в уточнении: ведь свет, понятый как ровное сияние, возникает не сам по себе (и далеко не во всех стихотворениях!), но лишь в связи с определенными художественными образами. В творчестве Н.Рубцова константа света определяет образ вечной, непреходящей Руси. Святая Русь – это и есть светлое место (стихотворение «Природа»):

И меж домов, берез, поленниц
Горит, струясь, небесный свет [6, 141].

В другом стихотворении – «Долина детства» – небесная природа света содержит признаки вечности:

И вокруг долины той любимой,
полной света вечных звезд Руси... [6, 21]

На родине светло даже ночью (стихотворение «Тайна»):

Чудный месяц горит над рекою,
Над местами отроческих лет,

И на родине, полной покоя,
Широко разгорается свет... [6, 315]

Свет оказывается не холодным и далеким, но, напротив, активно воздействует на внутренний мир человека (стихотворение «Уже деревня вся в тени»):

И льется в душу свет с небес... [6, 316]

Или, например, в стихотворении «В глуши» небесный свет и святость оказываются неразрывно сопряженными:

Когда душе моей
Земная веет святость,
И полная река
Несет небесный свет... [6, 422]

Влияние древнерусской поэтики ощущимо во всех стихотворениях Н.Рубцова на историческую тему. Старинные видения встают над холмами и над древними реками, но, обратным образом, и сама твердыня, священные кремлевские стены, соотносятся с чудесным миражом. В стихотворении «О Московском Кремле» герой восклицает:

Но как – взгляните – чуден этот вид!
Остановитесь тихо в день воскресный –
Ну, не мираж ли сказочно-небесный
Возник пред вами, реет и горит? [6, 326]

Восклицает лирический герой в стихотворении «О Московском Кремле». Кремль, с одной стороны, это твердыня, утвержденная навек, а с другой – сказочно-небесный мираж. Два этих состояния – осязаемой твердости, неизменяемости и одновременно некоторой призрачности, игры отраженного света, объединены свойством бессмертия:

Бессмертное величие Кремля
Невыразимо смертными словами!
В твоей судьбе, – о, Русская земля! –
В твоей глуши с лесами и холмами,
Где смутной грустью веет старина,
Где было все: смиренность и гордыня –
Навек слышна, навек озарена,
Утверждена московская твердыня!
[Там же]

В тексте присутствует традиционное обращение к Родной земле: «О, Русская зем-

ля!», которое перекликается со знаменитой строкой из «Слова о полку Игореве: «О, Русская земля! Уже ты за холмом!» [5, 249]. Леса и холмы, овеванные грустной стариной, Московский Кремль, камень которого хранит историческое прошлое (грозный Иоанн «здесь исцелял невзгоды государства», «бежал отсюда сам Наполеон»), – все это константы, создающие поэтический образ Русской земли. Само сочетание «Твердыня Кремля» является постоянным в русской поэзии.

Например, в стихотворении самарского поэта Александра Ширяевца «Кремль» новые века стремительно захватывают историческое пространство, происходит смешение времен («старинное перевенчалось с новым»), что не может не привести к постепенному исчезновению старины («ушло былое под певучий звон», «неслышно тает древняя тоска»). В грохоте нового века все становится иным, реки, поля и села меняют свой привычный облик; и только Московский Кремль незаметно противостоит этому духовному натиску. Противостоит своим недоумением и тревожным молчанием:

Недоуменно смотрят на багровый
Призывный флаг глаза твердынь Кремля.
<...>
Чуть бьется в страхе каменное сердце,
Все ярче маяки стальных имен.
<...>
И потемнел от дум Иван Великий,
Слезятся многолетние глаза [7, 86].

Сакральным значением наделяется в стихотворениях колокольный звон: если у Ширяевца «ушло былое под певучий звон», то лирический герой Н.Рубцова молится «на лик священного Кремля / И на его таинственные звоны...».

Именно музыкальное начало, звучание – будь то ночной шум сосен, гул речных вод или же звон колоколов – содержит в себе голос былых времен, напоминает о старинности ушедших деяний праотцев. Музыкальное начало выражает в лирике Н.Рубцова историческое сознание, связанное с былинами и историческими песнями, которые разрабатывают «большие общенародные темы», а также выражают «национальные интересы и идеалы народа» [1, 251]. В стихотворениях

Рубцова на историческую тему «Видения на холме», «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны», «О Московском Кремле», «Шумит Катунь», как и в исторических песнях, упоминаются реальные лица русской истории – Иван Грозный, хан Батый, Чингисхан, Наполеон – а рядом с ними и простой солдат, «израненный десантник» уже нашего времени.

Иной мир, царство усопших, присутствует в лирике Н. Рубцова как некоторый тревожный гул, который иногда преобразуется в конкретные видения, а иногда так и остается на уровне звука или молчания. Исторические события не пропадают бесследно, но вновь и вновь возвращаются в таинственных видениях, а бессмертный свет звезд указывает на нетленную вечность самой древней Руси, которая воспринимается автором как светлое и святое место. Этнопоэтические константы, создающие образ Русской земли, Н.Рубцов тщательно отбирает, абстрагирует единичные реалии так, что они обретают признаки обобщенности, постоянства и сакральности.

Библиографический список:

1. Зуева, Т.В. Русский фольклор: Словарь – справочник: Книга для учителя

/ Т.В. Зуева. – М.: Просвещение, 2002. – 334 с.

2. Клейн, И. Донец и Стикс (пограничная река между светом и тьмою в «Слове о полку Игореве») / И.Клейн // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции). Сб. науч. статей. – М.: Наука, 1976. – С. 64 – 69.
3. Кожин, В.В. Слово о поэте. После-слово / В.В. Кожин // Николай Рубцов. «В горнице моей светло...»: Стихотворения. – М.: Прогресс-Плеяда, 2007. – С. 279 – 381.
4. Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. – М.: Наука, 1979. – 360 с.
5. О, Русская земля! / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. В.И. Грихин. – М.: Советская Россия, 1982. – 368 с.
6. Рубцов, Н.М. Сочинения; сост. Н.И. Дорошенко / Н.М. Рубцов. – М.: Российский писатель, 2006. – 518 с.
7. *Ширявец, А.В.* Песня о Волге: Стихи и поэмы / *А.В. Ширявец.* – Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1980. – 167 с.

©Чернова А. Е., 2021